

А. А. Коуфман

Хроники времён
Великой
Маркграфини

Том первый

Эпоха императора Генриха III

1046—1057

УДК 82-31
ББК 84(2Рос= Рус)6-44
К59
12+

Койфман, А. А.

К59 Хроники времён Великой маркграфини : в 3 т. – Новосибирск : Свиньин и сыновья, 2021.

ISBN 978-5-98502-232-2

Т. 1 : Эпоха императора Генриха III. 1046–1057. – 406 с. : ил.

ISBN 978-5-98502-233-9

Этот роман-трилогия по-новому раскрывает историю выдающейся личности Средневековья – Матильды Каносской, которая была правителем земель в Северной и Центральной Италии, политическим деятелем, рыцарем, вела военные действия. Перед современным читателем предстает панорама главных событий, происходивших в Европе XI–XII веков. Произведение показывает колоритные картины средневековой жизни: замки, сражения, борьба за власть, рыцарские турниры, политические интриги, в том числе связанные с католической церковью. Достоверные описания быта и этикета, характеров и взаимоотношений героев позволяют погрузиться в эпоху.

Первый том рассказывает о детстве принцессы и о связи ее судьбы с судьбами империи.

Книга адресована широкому кругу читателей.

© Койфман А. А., 2021

© Хананов В. А., дизайн обложки, 2021

© Оформление. ООО «Свиньин и сыновья», 2021

Введение

Перед вами роман-трилогия. Роман о жизни одной из замечательных женщин Средневековья. О женщине, принявшей на себя груз управления небольшим графством и в то же время третью Италии; женщине, боровшейся с могущественной империей; женщине, пытавшейся сохранить в Италии рыцарский строй. Трудно понять ее действия, не зная происходивших в Европе XI века событий. Поэтому параллельно с описанием жизни маленького графства и его графини автор касается событий, происходивших в Италии и Европе в целом. Источником всей этой информации являются хроники, записи современников. Временами хроники становятся в книге как бы самостоятельными, выходят на первый план. Но эта книга – не исторический труд и не учебник истории Европы XI–XII веков. По крайней мере автор старался не сделать его таковым, не повторять все известные истории факты. В основном используется только то, что относится к обстоятельствам жизни маркграфини Матильды Каносской¹, ее ближайших родственников и друзей.

И всё равно это хроники – хроники событий, происходивших в Центральной и Южной Европе. Большинство из них развивались на фоне непрерывной борьбы императоров с могущественными вассалами, борьбы церковных иерархов за свои идеи и за титул понтифика, борьбы церковной и светской власти.

История жизни и противоборства Великой маркграфини Матильды с императором Священной Римской империи германской нации со школьной скамьи казалась автору чем-то необыкновенным. Держать в повиновении треть Италии,

участвовать, и не просто участвовать, но и оказывать значительное влияние на решение принципиальных вопросов жизни Италии и Германии, – для этого нужно быть незаурядной женщиной.

Для всех, кто писал о Матильде Каносской, основным источником являлась книга монаха Домнизо (или Донизо) из Каноссы, родившегося в 1071/2 году предположительно в Каноссе или Парме. Написанная между 1111 и 1115 годами рифмованным гекзаметром, книга «Vita Mathildis» («Жизнь Матильды») прославляет Матильду, представляя ее возвышенной, утонченной дамой и в тоже время бесстрашной воительницей. Чувствуется, что Домнизо во многом следовал образцам агиографической литературы.

Автор сознательно не стал использовать эту книгу: судя по замечаниям к основанной на этой книге работе Mary E. Huddy «Matilda, Countess of Tuscan» (Мэри Э. Хадди «Матильда, графиня Тосканы»), изданной в Англии в 1905 и 1909 годах, книга Домнизо была явным панегириком Матильде. И писательница также создала образ идеальной женщины. Автору не верится, что в жестоком одиннадцатом веке могла удержаться у власти в течение десятилетий справедливая, человеколюбивая женщина.

Доверие к книгам Мэри Э. Хадди и монаха Домнизо сильно подорвано в глазах автора грубыми фактическими ошибками. Например, при описании похода 1059 года восхваляется боевое крещение Матильды, которая будто бы девятнадцать часов вдохновляла войска маркграфства в битве против войск германского императора. Оставим в стороне то обстоятельство, что двенадцатилетней девочке трудно было девятнадцать часов носиться на коне перед войском. Главное не это. Не было похода имперских войск в Италию в 1059 году, и не могло быть сражения имперских войск с армией маркграфства. Императрица Агнесса² сама настаивала на походе герцога Готфрида Бородатого³ против антипапы Бенедикта⁴.

Домнизо, родившийся через одиннадцать лет после этих событий и начавший писать свою книгу еще через со-

рок лет, слишком вольно обращался с фактами. Матильда пошла в поход к Риму против войск норманнов, которые можно было назвать прогерманскими, только в 1067 году, когда ей был уже двадцать один год. Да и было участие в этом походе графини Каносской, обязанной возглавить рыцарское ополчение графства, чисто символическим. Общее командование осуществлял регент маркграфства Тоскана герцог Готфрид.

Отмечу еще одну ошибку Домнизо. Он писал, что Матильда согласилась выйти замуж за Готфрида Горбатого⁵ с условием, что не покинет Италию. Но она ведь провела в Вердене не менее двух лет, родила там дочь. И эти два явных искажения не случайны. Монах Домнизо был ярким апологетом прав Рима на наследство маркграфини Матильды, поэтому умалчивал о возможности существования ее непосредственных наследников, подчеркивал ее безусловную лояльность Риму и принципиальную враждебность имперской власти.

Мэри Э. Хадди, написавшая в 1905 году книгу о жизни Матильды, не имела возможности обратиться к многочисленным источникам, доступным в настоящее время.

В процессе подготовки трилогии были рассмотрены в Google около шестисот статей Википедий (российской, итальянской, германской, английской, болгарской и украинской), относящихся к персонам того времени, городам, замкам, храмам и географическим объектам (рекам, ручьям, перевалам и т. д.) К удивлению автора, в некоторых из этих статей были найдены факты из истории жизни и деятельности Матильды, не отраженные в других источниках.

Автор пытался создать реалистичную картину становления Матильды как правительницы трети Италии. По мнению автора, она не была ангелом, но и не была дьяволом. Она была человеком со всеми человеческими страстями, ошибками, сомнениями и раскаянием во многих своих поступках.

Без истории жизни предшественников ее действия не всегда могут показаться понятными, обоснованными. Но по-

грузжаться в историю династии графов Каносских, а затем маркграфов Тосканских не имеет смысла. Слишком мало мы знаем о жизни ее далеких предков. Теоретизирование на пустом месте не очень плодотворно. Поэтому за точку отсчета автор выбрал год и день рождения Матильды. А 1046 год был весьма богат важными для понимания истории Италии событиями.

Описывая 1046–1054 годы, автор только временами касается непосредственно событий жизни Матильды. Слишком мало, практически ничего не говорят исторические документы о ее детстве и юности. Только с 1055 года начинаются упоминания о ее судьбе.

Еще раз повторю: это роман и одновременно хроники, авторизированные хроники, временами подробные, но не учебник истории. Это отражение представления автора о жизни, стремлениях и судьбе замечательной женщины-воительницы, владелицы трети Италии, стремившейся сохранить древний рыцарский строй в Италии, боровшейся с неограниченной властью империи и отчаянно сопротивлявшейся стремлению растущих городов к независимости от сеньоров на основе непосредственного подчинения имперской власти. Это хроники времени, когда жила Матильда. Но это и история женщины, просто женщины.

Наряду с реальными событиями, реальными датами автор включил в свое повествование детали жизни маленького графства, не отраженные ни в одном источнике, моделируемые только на основе понимания этой эпохи автором.

В хрониках на страницах трилогии упоминаются реальные персоны, не всегда имеющие непосредственное отношение к Матильде. В каждом томе таких персон не менее двухсот. При первом их упоминании даются ссылки на краткую информацию в конце тома о времени их жизни или деятельности.

Автор приносит извинения за личное мнение о событиях и персонажах книги, но оно действительно у него имеется и не всегда совпадает с общепризнанным.

В I томе действие романа относится ко времени детства Матильды – 1046–1057 годы.

II том показывает период становления молодой маркграфини и ее роль в событиях, происходящих в Италии в 1057–1085 годах

III том рассказывает о противостоянии Матильды императорской власти в 1085–1115 годы, когда характер Великой маркграфини Тосканской раскрылся наиболее полно.

Экскурс в историю династии маркграфов Каноссы

Основателем династии считается Адальберто Атто⁶ (или Аццо), дата рождения которого точно неизвестна (920 или 925 год). Считается, что он построил замок Каносса в 940 году. Впрочем, имеются сведения о том, что начал строительство этого замка его отец Сигифрид (Зигфрид) из Лукки⁷. Автор не нашел сведений о происхождении Сигифрида – вероятно, он принадлежал косвенно к династии Бонифациев⁸, правившей в Тосканской марке в IX–X веках.

Начало стремительного роста влияния Адальберто Атто связывают с тем, что в 951 году в его замке Каносса укрывалась от преследователей королева Италии Адельгейда⁹ после бегства из замка Гарда. Туда ее заточил узурпатор Беренгар II¹⁰, желавший выдать королеву замуж за своего сына. Адальберто успешно строил замки вокруг Каноссы, подчинял себе окрестных баронов и в 958 году получил титул графа. А далее он завладел многими городами и территориями. Его дело продолжил граф Тедалдь¹¹, получивший за помощь императору Конраду II титул маркграфа Тосканы и герцога Лукки.

Имя внука Адальберто – Бонифаций III¹² – не могло быть принято случайно. Бонифаций I¹³ и Бонифаций II¹⁴ – первые известные члены династии Бонифациев – правили в начале IX века. Внук Бонифация II, тоже Бонифаций, иногда именуемый Бонифацием III, не был главой династии, хотя

дожил по крайней мере до 894 года. Вероятно, Адальберто Атто, получивший титул графа в 958 году, и его сын Тедалдьд имели основание считать себя наследниками династии Бонифациев. Имеется противоречие: Бонифаций I был франком родом из Баварии, маркграфы Каноссы считаются лангобардами. Именно поэтому автор предполагает, что родство маркграфов Каноссы с династией Бонифациев было косвенным, по женской линии.

Династия Бонифациев правила в Лукке, бывшей в то время столицей Тосканы. Позднее члены династии стали хозяевами всей Тосканы, имели владения в Южной Франции. Были в родстве с герцогами Сполето, принимали активное участие в борьбе за трон Каролингского Итальянского королевства в IX–X веках. Вероятно, именно происхождение из этой династии помогало Тедалдьду, а позднее и Бонифацию III, и его детям претендовать на владение всей Тосканой.

Другое родство – с франкской династией Суппонидов¹⁵, владевших в IX–X веках землями и городами в Северной Италии, – дало Тедалдьду и Бонифацию III право на обширную область, бывшую ранее под властью Суппонидов. Позднее в результате очередных браков владения Бонифация III увеличились за счет прав на герцогства Сполето и Камерино.

В глазах многих титулованных особ Италии Бонифаций III, владевший третью Италии, был естественным претендентом на титул короля Италии. Это не могло не отразиться на отношении к нему, а позднее и к маркграфине Матильде, императоров Священной Римской империи, владевших титулом короля Италии.

Глава I

Дополнение в семействе

1046

Мантуя

24 сентября 1046 года, четверг.

Во дворце маркграфа Бонифация III Тосканского – смятение. Нет, никто не носится по дворцу, наоборот, всё притихло, только доносятся периодические крики и стоны из довольно большой комнаты, где в окружении трех лекарей, двух повитух и нескольких придворных дам на постели мечется маркграфиня Беатриса Лотарингская¹. Повитухи совместными усилиями удерживают ее, уговаривая тужиться. Дамы застыли около стен, только поворачивают шеи, когда кто-нибудь из лекарей практически бесцельно двигается по комнате. В комнате, как и во всем дворце, закрыты оба окна, так как гнилостный запах окружающих Мантую болот невыносим. Несмотря на начало осени, нестерпимо душно, дамы обливаются потом в своих тяжелых придворных одеяниях, но иначе нельзя. И этому бесконечному мучению Беатрисы и всех остальных в комнате, кажется, никогда не будет конца.

Бонифаций ходит из угла в угол небольшого зала. До комнаты, где уже пять часов безуспешно пытается родить Беатриса, нужно миновать коридор и еще одно помещение, но крики доносятся и сюда. В зале никого нет, случайно заглянувшие в двери слуги испуганно закрывают за собой двери, никто не хочет попасться на глаза хозяину. Лишь один человек неподвижно стоит в углу, вооруженный только длинным мечом, без обычной кольчуги и шлема.

Бонифаций зол до крайней степени. Только вчера ему сообщили о приближающихся родах супруги, оторвали от давно ожидаемой охоты в окрестностях любимого небольшого замка около Кастильоне делла Стивьере. Он скакал почти всю короткую августовскую ночь, сопровождаемый только пятью солдатами. И вот злой, голодный, он уже несколько часов меряет шагами этот маленький зал. Сколько еще ждать? Родит она, в конце концов, когда-то? И кого?

Пока Бонифаций очень разочарован: что ждет его владение, созданное с таким трудом? Неужели придется отдать его родственникам почти ненавидимых кузенов? Первая жена – Рихильда², дочь графа Бергамо Гизельберто II³, – родила только дочь, умершую тридцать два года назад в младенческом возрасте. Он честно исполнял по возвращении из походов супружеские обязанности еще более двадцати лет, но она так и не родила больше никого. Да и нынешняя жена Беатриса не очень-то порадовала – родила хилого мальчишку – Фридриха⁴, который вряд ли станет нормальным наследником. Потом родила девочку – Беатрису⁵.

Льстивый придворный астролог обнадеживает, что звезды очень благоприятствуют, теперь, наконец-то, он получит сильного наследника, ссылается на имеющийся у него список книги «Liber de Planetis et Mundi Climatibus». Но Бонифаций уже ничему не верит. Дамы сердца тоже родили ему двух девочек – он, конечно, дал обеим приданое, но это совсем не то. Они никогда не будут носить фамильные имена. Может быть, дело не в Беатрисе, а в нем? Ведь ему уже шестьдесят лет. Хоть жене и двадцать семь, но вряд ли у них будут еще дети.

Девять лет назад, выбрав невестой Беатрису де Бар, дочь герцога Верхней Лотарингии Фридриха II⁶ и Матильды Швабской⁷, он хотел не только породниться с могущественными союзниками. Надеялся, что девушка из Лотарингского дома, славящегося плодовитыми женщинами, подарит ему сильного наследника. Но пока это только мечты. И он – маркграф Тосканы – со страхом ждет, чем закончатся страдания женщины в отдаленной комнате.

Неожиданно крики стали еще сильнее и вдруг полностью стихли. Что там еще?

Откуда-то появился кузен Оттон⁸ – епископ Камерино. Откуда? Ведь его не было ни в зале, ни в комнате, где страдала Беатриса.

– Возрадуйся, брат мой! Господь даровал тебе дочь.

Бросил на Оттона испепеляющий взгляд:

– Издеваешься? Смотри у меня.

– Нет, что ты, просто скоро нужно будет принять ее.

Епископ исчез за дверями в коридор.

«Сволочь, радуешься, надеешься, что наследство достанется твоему племяннику или даже бастарду? Зря надеешься, я еще переживу тебя».

Камерино пока не принадлежит Бонифацию, Оттон родственник и семейству Майнарди⁹, владеющему городом и окрестностями, и покойному герцогу Сполето Умберто¹⁰, но ориентируется на Бонифация, понимая, что он сильнейший из сеньоров Италии.

Опять томительное ожидание. «Ну, почему я должен, всегда должен что-то делать такое, чего от меня ждут подданные? И это называется власть?» Наконец, бочком протиснулся в зал Филиппе – монах-бenedиктинец:

– Государь, вас ждут. Ребенок подготовлен.

Нет, Бонифаций не король, не монарх, суверен, но он – владетель Каноссы, маркграф Тосканы, Мантуи и Феррары, герцог Лукки и Сполето, владетель многих земель в Парме и Пьяченце, самый могущественный правитель в Итальянском королевстве. Многие подданные обращаются к нему именно так.

Филиппе не занимает никакой должности, но Бонифаций доверяет ему многие тайны. Многие, но не все. Ведь Филиппе состоит в переписке с Гуго из Семюра¹¹, любимым учеником всесильного клюнийского аббата Одилона¹², да и с многими членами курии. Это отнюдь не тайна для Бонифация. Когда-то Филиппе появился в замке Каносса с письмом аббата Одилона Беатрисе, да так и остался при дворе.

Двадцать шагов по коридору, проходное помещение, и Бонифаций в комнате роженицы. Все взгляды обращены на него. Баронесса София – старшая придворная дама, вдовствующая дочь барона Людвига, племянника (бастарда) епископа Меца Адальберона II¹³, сопровождавшая Беатрису на свадьбу и оставшаяся при ней, подает Бонифацию что-то завернутое в роскошные пеленки, из которых выглядывает только сморщенное личико:

– Ваша дочь, государь.

Бонифаций почти с раздражением смотрит на сморщенное личико, прищмокивающие губы дочери, но принимает сверток на руки, поднимает его и громко провозглашает:

– Благословенна будь, дочь моя.

Возвращает сверток баронессе, круто разворачивается, даже не подойдя к Беатрисе, и уходит.

Беатриса не в силах прочувствовать всю тяжесть нанесенного оскорбления. У нее уже нет желания ни радоваться дочери, ни негодовать на мужа. Лишь бы оставили ее в покое хоть на время. Но дамы по очереди, по рангу, подходят, что-то говорят. Она не слышит этих льстивых и вроде сочувственных слов.

А Бонифаций? Всё – он выполнил то, ради чего уже почти сутки не принадлежит себе. Раздражение только усиливается. Красное от гнева лицо, выпяченная нижняя губа, прищуренные глаза; в коридоре опять никого. Кто осмелится в такой момент попасть на глаза владыке? Только охранник, поджидавший за дверью, молча сопровождает его по коридору, отстав на несколько шагов.

Открылась на мгновение дверь в служебную комнатку, испуганная светловолосая девушка остолбенела на пороге, увидев мрачного хозяина. Бонифаций не знает, кто это. Но на нее можно выплеснуть всю злость, всё свое негодование. Молча хватая девушку за руку, толкает в комнатку. За ними охранник захлопывает дверь и застывает у нее. По-прежнему молча Бонифаций валит девушку на пол, ведь в комнатке нет ничего подходящего из мебели, задирает юбки.

Округлившись от ужаса глаза девушки, ее застывшее тело раздражают и в то же время приносят облегчение маркграфу. Он долго, мучительно долго трудится. И перед глазами воспоминание: вот так же, сорок пять лет назад он схватил и повалил на пол в темной комнате придворную даму матери. Тогда всё произошло слишком быстро, тридцатилетняя дама попыталась погладить его по слегка вьющимся волосам, сказать что-то ободряющее. Он не помнит, что она говорила, но помнит, что был разъярен своим неумением, жалостью, слышавшейся ему в голосе дамы. Резко оттолкнулся от нее и выбежал из комнаты.

А потом гневные упреки матери – Гиллы Сполетской¹⁴, которой всё выдал ябеда Конрад¹⁵, младший брат, постоянно шпионящий за ним. И усмешка отца:

– Ну вот, прошел мужское крещение. Не всё же тебе только сражаться.

Действительно, к тому времени он уже участвовал в двух походах отца – маркграфа Тедальда Каносского. Никогда не сможет он вот так, с усмешкой, похвалить сына.

Тяжело поднялся, вышел из комнаты, только бросив взгляд на девушку.

«Крепкая, могла бы, в отличие от жены, родить сына».

Девушка осталась лежать ничком, боясь пошевелиться, только одернула обе юбки. А за дверями уже ждет епископ Оттон.

«Как эти святоши узнают всё мгновенно?..»

Медленно пошли в сторону библиотеки.

– Что делать с девчонкой?

– Отправь ее в какой-нибудь монастырь, да жестко укажи, чтобы не трогали. Если родит, ребенка отобрать, мать отправить домой, снабдив небольшим приданым. Если пустая, дать немного денег и тоже отправить домой.

– Из каких средств?

– Смеешься? У вас, церковников, денег куда больше, чем у меня. Оплатишь сам.

– Хорошо, а что делать с ребенком?

– Разберусь потом, если потребуется. Ты лучше скажи, как назвать девочку?

– Беатриса хочет назвать Матильдой, в честь матери – Матильды Швабской, умершей пятнадцать лет назад.

– А ты как считаешь? Кто там из святых подходит по датам?

– Я уже смотрел. Есть святая Неомизия и святая Татта Дамасская.

– И что о них можно сказать?

– Да ничего. Вели правильный образ жизни, отличались твердой верой.

– Нет, что-то слишком расплывчатое, нам не подойдет.

– Можно назвать Моникой. Была святая Моника – мать Августина Блаженного. Смогла побороть пагубное пристрастие к вину, прожила тяжелую, но праведную жизнь. Или Иустиной, была такая – жена святого Киприана.

– Не хватало мне пристрастия к вину. И Иустина – совсем плохое имя. А что там с Матильдой?

– Была лет сто назад такая, Матильда Вестфальская¹⁶, германская королева, жена короля Генриха I¹⁷, отличалась благотворительностью.

– Тоже не очень-то.

– Но астрологи говорят, что Матильда обычно твердая, волевая женщина, настоящий командир. Кстати, Матильда по-немецки – «сила в бою».

– Ладно, пусть будет, как мать хочет.

– Хорошо. Когда и где назначишь крестины?

Ввязался, как всегда, бесшумно и невесть откуда появившийся Филиппе:

– По правилам, не нужно торопиться.

– Я не могу слишком задерживаться здесь. Скоро нужно будет выступить с императором в поход: на Рим, на юг Италии. Сделаем как можно скорее, в Парме. Пусть епископ Кадал¹⁸ раскошелится. Нельзя же так долго сидеть на шее Мантуи. Да еще с таким количеством гостей. И так Беатриса задержала нас здесь.

Все трое с облегчением рассмеялись, представив выражение лица епископа, когда он узнает о выпавшей на его долю чести.

Теперь вмешался Оттон:

– Быстро не получится. Письма пошлем от твоего имени завтра-послезавтра с нарочными, но пока они дойдут, пока соберутся гости... Нужно хотя бы две недели. Да, и кого из Их Святейшеств звать – Бенедикта¹⁹, Сильвестра²⁰ или Григория²¹?

Опять тихо прозвучала реплика Филиппе:

– Все трое вызовут неудовольствие императора. За всеми тянется неприятный хвост.

– А разве был Папа Римский без неприятного хвоста? Отто, ты такого знаешь?

– Меня тогда не было еще.

– Не стоит все поминать слугу слуг Божьих. Были когда-то такие.

– Не Господь, Филиппе, мы их назначаем. Ладно, подготовь письмо в курию поаккуратнее, чтобы ни один не приехал, и никого не обидеть.

– Сделаем, государь.

– И всем соседям-владельцам разошли приглашения – естественно, и императору. Да прелатов не забудь: от епископов до самого захудалого аббата. У этих как раз денег всегда много, могут раскошелиться. А нам нужно будет не меньше месяца содержать армию. Император в Рим собрался наводить порядок – моим войскам впереди придется идти.

Маркграф остановился, вспоминая, не нужно ли еще что-то указать. И епископ, и монах застыли в молчании.

– Еще одно. Кого взять крестными отцом и матерью? Ладно, завтра подумаю. Я возвращаюсь в Кастильоне. На завтра назначена большая охота, не пропускать же ее. С собой беру только пятерых. Отто, приезжай ко мне завтра вечером. Еще раз всё обсудим. Надеюсь, что письма уже будут подготовлены.

Повернулся и ушел к лестнице, ведущей вниз, во двор. Следом за ним, как тень, идет охранник.

Пора и о нем сказать несколько слов. Альбоин родился в 1014 году и до тринадцати лет жил с матерью, простой крестьянкой, в отцовском владении Касалино. Касалино – рыцарская башня и три двора крестьян в миле от замка Каносса. Отец Альбоина, лангобард по происхождению, был ленником Бонифация. Двадцать лет служил ему, почти не заглядывая в свои земли. Забранный в возрасте тринадцати лет отцом, Альбоин везде передвигался с ним. В пятнадцать лет поступил на службу к Бонифацию и непрерывно остается у него уже семнадцать лет. В постоянных походах сеньора неоднократно доказывал свою храбрость и умение владеть мечом, но так и не удостоился посвящения в рыцари. Последние четыре года – личный охранник Бонифация.

Кастильоне

25 сентября, пятница, вечер.

Отдохнувший после охоты Бонифаций сидит в единственном зале замка, сытно поужинал, ждет епископа Оттона. На столе – серебряный кувшин с вином и пустая чаша, в руках – другая чаша, из которой он временами прихлебывает. Епископ уже приехал, но занят где-то внизу во дворе устройством своих людей и лошадей. Наконец он входит в зал.

– Садись, кузен, что так расстроен? Или голоден? Сейчас прикажу принести тебе еду. Я сегодня на охоте завалил знатного кабана и двух подсвинков. И люди баронессы тоже постарались. А пока промочи горло с дороги. Эй, кто там!

Из-за двери появилась молчаливая женщина.

– Скажи, чтобы принесли ужин его преосвященству. Да скорее. И баронессе передай, что мы ее ждем здесь через полчаса.

Женщина с поклоном ушла. Хозяин налил гостю:

– Попробуй, из запасов Константинопольского патриарха. Не знаю, как он там наши грехи замаливает, но вино

у него отличное. Ну, что там в Мантуе? Письма подготовили с монахом?

– Да, я привез несколько образцов. Нужно твое утверждение.

– Ладно, прочитай мне, пока тебе не принесли ужин.

Епископ зачитал два образца – безымянному барону и епископу.

– Хорошо, сойдет. Кресты сам за меня поставишь.

Нужно пояснить, что Бонифаций, в отличие от многих владетельных особ того времени, умел и читать, и писать, знал не только народный итальянский, немецкий и лангобардский языки, но и латынь. Старался не показывать этого: не дело знать грамоту храброму воину и хозяину. На то существуют монахи и церковники. Но крест ставить любил. И это не просто крестик, небрежно черканутый под письмом. Это большой крест, в квадратах которого стоят буквы титула и имени. Из всех этих букв храбрый воин пишет не больше одной-двух. Остальные проставит надежный монах. При крайней необходимости монах может начертать и весь крест со всеми буквами. Большее значение имеет печать рыцаря, шлепнутая на шнурок, скрепляющий или обвивающий лист письма. Впрочем, и печать часто оказывается в руках лица, заведующего перепиской рыцаря.

– Предлагаю крещение провести восьмого октября, дольше ты не сможешь задерживаться – император приближается к перевалам. Что ты решил с крестными Матильды?

Бонифаций немного скривился. Еще не привык к этому имени:

– Крестным отцом попрошу стать графа Альберто Аццо²². Он молодой, тридцать семь лет, но уже очень опытный. Будет ей советчиком, когда она вырастет. У него в Милане дела совсем плохи – реально остался только титул. Теперь пытается перевести все свои интересы на север. Ему нужна моя поддержка. В канцелярии императора до сих пор на него посматривают косо, помнят, как его отец и дядя пытались устранить влияние империи в Италии. Так что за эту

честь – почти породниться со мной – ему придется серьезно заплатить. Денег у него сейчас нет, много тратит в своем северном замке, так что я попрошу у него одну из его переправ через По. Переправу у Феррары он не отдаст, но хотя бы Касальмаджоре с переправой я у него выторгую.

– А крестная мать?

– Здесь сложнее. Хотелось бы из Савойского дома. Лучшее всего – Аделаиду Сузскую²³. Но она только что сочеталась браком с Оттоном²⁴, графом Савойи. Не знаю, решится ли покинуть почти на пару недель мужа. Впрочем, их брак – дело династическое. Для нее это уже третий брак: похоронила и Германа Швабского²⁵, и Генриха Монферратского²⁶. Не посмотрели родственнички, что она старше своего нового мужа. Впрочем, родить наследника она еще сможет.

– Зачем она тебе? Денег тоже не принесет, им они сейчас самим нужны.

– Кому они не нужны... Да отделается драгоценностями. У нее после двух первых мужей должно остаться много лишних. Но поддержка Савойского дома мне очень полезна. Да и с Монферратами она связи не потеряла. Надеюсь, что не откажется, – вернее, Оттон побоится мне отказать. Всё, решил, пиши им очень любезные письма, только без заискивания. Еще одно. Куда ты отправил ту девчонку? Как ее зовут?

– Мария. В Парму, в женский монастырь Святого Александра. Будет там под хорошим надзором. Удобно, что недалеко от Мантуи. Мне легче будет вмешаться, если нужно. И с настоятельницей у меня хорошие отношения.

Как раз епископу принесли большой поднос с мясными и овощными блюдами. Бонифаций подливает кузену вино. Молча смотрит, как тот расправляется с поросычьей ножкой. Кузены ненавидят друг друга, но... вынуждены ладить. Оттон, как любой епископ, жаждет хоть на годик, хоть на несколько месяцев быть провозглашенным Папой Римским, но прекрасно понимает, что без помощи Бонифация об этом мечтать бесполезно. А Бонифацию свой епископ, полностью зависимый от него, просто необходим. Остальные еписко-

пы его земель тоже зависят от него, хоть и не формально, но при каждом удобном случае ссылаются на курию, чтобы игнорировать или хотя бы оттянуть выполнение его «советов». Кроме того, удобно сбрасывать на Оттона многие скучные заботы.

Затянувшееся молчание прерывает появление баронессы Маргарет. Старый барон Дезидерий, владетель Кастильоне, привез семнадцатилетнюю красавицу Маргарет в 1032 году из Швабии после похода против графа Эда из Блуа²⁷, восставшего против императора. Маргарет была из благородной, но обедневшей семьи. Дезидерию пришлось делать очень серьезные подарки ее братьям, пока они не согласились выдать сестру за барона, который был более чем в три раза старше. Детей им Господь не дал, но жили они в согласии до гибели Дезидерия во время похода Бонифация в герцогство Сполето. Тогда, в 1043 году, претензии на замок и небольшое владение старого Дезидерия предъявил его бастард, всегда сопровождавший барона в походах, однако Бонифаций передал все права на замок вдове. Теперь Маргарет тридцать один год, но в глазах Бонифация она всё еще та прелестная молодая женщина, которую он увидел в 1037 году во время подготовки похода против мятежной Павии. И вот уже более двух лет он при первой же возможности приезжает в Кастильоне отдохнуть от государственных дел рядом с Маргарет.

Маргарет искренне рада появлению епископа Оттона. Ведь новости в отдаленный замок приходят редко, Бонифаций не любит долгие разговоры, а Оттон всегда в курсе событий в имперских и герцогских дворах, да и не только в них. И с удовольствием рассказывает все сплетни, показывая свою осведомленность. Особенно в этот раз Маргарет волнуют слухи о противостоянии трех пап римских. А уж это известно Оттону в мельчайших подробностях.

Бонифаций рад возможности сбросить бремя беседы на кузена, даже прикрыл глаза, размышляя о предстоящем походе в Сполето и Рим. Любой поход – это в первую очередь деньги. Да, в этом году он еще не призывал вассалов на

службу, но они только две недели будут воевать бесплатно, а потом нужно платить и платить. Можно взять золото и серебро в подвалах Каносского замка, но они только на крайний случай. Император ничего не даст, хорошо, если сам не попросит займы, у него тоже иногда туго с деньгами, даром что владеет серебряными рудниками. А у него путь длиннее, чем из Тосканы.

Кстати, нужно будет объявить сбор рыцарского войска в Сиене. Это позволит сократить срок службы на несколько дней. И из Сиены можно будет принять решение: двигаться через Перуджу на Сполето или мимо Орвието сразу на Рим. Идти придется через Модену, мимо Болоньи на Флоренцию и далее до Сиены. Пизанский флот направить к побережью папских владений. Беатрису с детьми оставить в Каноссе, так надежнее.

Бонифаций повеселел: решение принято, детали можно будет продумать позднее, после крестин Матильды. Тогда будет ясно, какой суммой он располагает.

Оттон, увидев, что Бонифаций стал прислушиваться к его очередному рассказу, поспешил округлиться:

– Спасибо за гостеприимство, дорогая баронесса, но мне нужно уже выезжать.

– Куда вы, ваше преосвященство, поедете на ночь глядя! Оставайтесь. Утром поедете, после завтрака.

– Еще раз спасибо, но мне нужно с утра заняться срочными делами.

Епископ откланялся.

Касальмаджоре

3 октября 1046 года, суббота.

Длинный караван движется из Мантуи на юго-запад. Впереди – небольшой отряд кавалеристов, возглавляемый тремя рыцарями, потом шесть крытых повозок с плоским полом: с маркграфиней, детьми, кормилицей и придворными

дамами. Следом плетутся не менее десяти повозок с разным скарбом и припасами. Караван замыкает многочисленный пестрый отряд всадников из Мантуи и контадо, провожающий повелительницу.

Всё еще жарко, повозка Беатрисы закрыта со всех сторон, она смогла остаться в тонкой рубашке, без чулок, с распущенными волосами. Никаких юбок, головных уборов, лежит на толстом слое соломы, прикрытой восточным ковром, с льняной простыней поверх него. Рядом лишь доверенная служанка, привезенная из Лотарингии.

В следующей повозке, прикрытой только сверху, – кормилица Агата с обоими младенцами: собственным сыном и новорожденной дочкой маркграфа. Здесь же старшие дети Беатрисы: шестилетний Фридрих и совсем маленькая Беатриса. Оба младенца время от времени начинают попискивать, кормилица прикладывает обоих к своей широкой груди – молока, слава Богу, хватает.

Придворные дамы занимают еще четыре крытые повозки. Жарко, они одеты полностью. Но что поделаешь, придворной даме не привыкать к жаре, запаху испарений давно не мытого тела.

Караван тащится по жаре уже три часа, но пройдено только с десятков миль. К счастью, начались леса долины реки Ольо. Еще немного – и караван осторожно начинает преодолевать по броду реку. Паводок давно прошел, но воды еще много.

А на высоком берегу караван встречает с небольшой свитой Франческо – владельца замка Гаццуоло.

Франческо – ленник графа Альберто, охраняющий в своем небольшом замке – вернее массивной квадратной башне – важный брод через Ольо. Не очень ясно, что здесь охранять: на севере и востоке раскинулись земли баронов – ленников Бонифация, с запада и юга – земли дружественного Бонифацию графа Альберто Аццо II. Франческо, как и граф Альберто, принадлежит к потомкам знаменитого франкского маркграфа Адальберта I²⁸, владевшего две сотни лет назад

почти всей Северной Италией, но по какой-то запутанной боковой линии. Замок пожаловал его деду в качестве феода еще Оберто I²⁹, и с тех пор каждый сеньор подтверждал права владения его отцу и ему.

Франческо подъезжает к повозке Беатрисы, склоняется к протянутой из-за полога руке Беатрисы, галантно целует ее, вернее делает вид, что целует – приглашает отдохнуть в замке.

Двинувшись в указанном направлении, караван вскоре втягивается в обширный двор замка, окруженного невысокой стеной. Беатриса спускается с повозки по приставной лестнице. Одетая в строгое походное платье, застегнутое под подбородок. Во дворе уже накрыты столы: отдельно для Беатрисы и детей, отдельно для придворных дам и рыцарей. Здесь же нашли место наиболее важные из горожан Мантуи, провожающих маркграфиню. Не очень обильное угощение, но зато вдоволь холодной фруктовой воды. И всё это – в тени главной башни. Солдаты и городской люд тоже получили что-то в другом углу двора. Расселись с мисками под деревьями – кто на валяющихся чурбаках, а кто и просто на земле.

Франческо стоит рядом со столом Беатрисы, пытается развлечь длинным рассказом о недавней охоте, когда ему удалось в лесу у реки завалить сразу двух кабанов-секачей. Беатрисе это совершенно не интересно, но молодой симпатичный барон, конечно же, должен получить свою порцию снисходительных улыбок.

Пришло время ехать дальше. Большинство горожан Мантуи возвращаются домой, а Франческо сопровождает караван со своим отрядом. И снова медленное движение нещадно скрипящих телег по пыльной дороге.

К Касальмаджоре, принадлежащему графу Альберто, подошли к вечеру, но задолго до темноты. Капитан замка, предупрежденный заранее, встречает караван в миле от поселения. За ним группа кавалеристов. Беатриса устала, раз-

дражена долгой поездкой, не соизволила приветствовать капитана.

У замка разросся поселок. Он не выглядит бедным: почти в каждом дворе живут мужчины-перевозчики, переправ через По мало, и работы им хватает. Отряд Франческо даже не стал входить в замок, вернулся домой. Беатриса помахала платком вслед.

Беатрису с детьми и кормилицей разместили в двух комнатах на втором этаже жилого крыла замка, рыцари расположились на солидных охапках сена в оружейном зале. Дамы скучились в одной комнате – Бог их знает, как они там устроились. Солдаты и немногочисленные горожане Мантуи, оставшиеся с караваном, разместились кто как мог.

А в замке уже готово угощение. Вчера, как заявил капитан замка, специально ходили на охоту: подстрелили пару кабанчиков и с десяток уток, да еще зарезали специально для маркграфини пару гусей. Ужинать вроде ни к чему, но обед в Гаццуоло был не очень солидным, все с радостью набросились на еду. В комнату Беатрисы подан внушительный гусь, приготовленный на огне целиком. Рыцарям принесли кабаньи ноги, с ними за стол сел капитан замка. Остальной люд каравана получил кашу, заправленную большими кусками кабаньего мяса и сала. И все получили в достатке разнообразную зелень. На хлеб тоже не поскупились. Не каждый месяц в замок приезжает жена соседнего государя со свитой.

Вставать рано, поэтому после ужина все, как могли, устроились спать. Маркграфиня – на кровати с балдахинном и высокими подушками – вероятно, в спальне капитана замка. Кормилица с новорожденными – на спешно сооруженных полотах, а двое старших детей – в уголке спальни на сене, покрытом толстыми войлочными подстилками. Рыцари завалились спать на сене, как были, только сапоги сняли. Остальные – где смог приютиться. Только повару Беатрисы повезло: познакомился близко с молодой судомойкой, и она приютила его в своем закутке.

Утром первым встал и пошел за дровами истопник – лето, но ведь очаг всегда нужен. Потом поднялись вечно недовольные кухарки, одна из них, завидуя, с бранью подняла на ноги судомойку, хотя той еще и нет работы: с вечера вычистила всю посуду. А там зашевелились и все остальные. Еще только светало, когда солдаты, поевшие на скорую руку оставшейся с вечера едой, ушли к лошадям, накормить и напоить их, проверить сбрую. Первая группа уже была на переправе, когда поднялись Беатриса и кормилица.

Четверо мужиков на переправе подготовили паром. Собственно, готовить особенно и нечего – канат на месте, широкая ладья всегда готова, но нужно же всё осмотреть. Заводится на паром первая группа кавалеристов с лошадьми. Им еще долго придется ждать на другом берегу, ведь переправа с возвращением парома занимает более получаса. С ними на пароме отбывает один из рыцарей, а к переправе одна за другой подходят повозки. Начальник таможни уведомил, что получил распоряжение не брать с каравана пошлину. Придется только немного заплатить мужикам-перевозчикам. Командующий всем караваном рыцарь воспринял это спокойно – много и не ожидал.

Кормилица подняла и накормила детей, да и сама поела с ними, а у Беатрисы нет аппетита, только погрызла ножку вчерашнего гуся. Старшие дети недовольны – не выспались, а младшие сразу же снова уснули, насосавшись молока. Время тянется медленно, но задолго до полудня и Беатрису приглашают на берег. Семья переправляется вместе с двумя рыцарями и последними солдатами.

Еще один более чем трехчасовой переход по живописной долине. Вдоль дороги проползают поля, отдельные хижинки, селения. Проехали мимо двух замков, не заглядывая в них. Но владельцы выходят отдать дань уважения супруге хозяина. Многие сопровождают караван до следующего замка.

Наконец, Парма – вернее, встречающая далеко перед стенами города толпа. Одетая в праздничные одеяния, Беатриса, стоя во весь рост и придерживаясь левой рукой за

столб, держащий полог повозки, приветствует подданных. Она измучена долгой дорогой, да и с желудком, как всегда, что-то не в порядке, но нужно улыбаться. Кавалеристы подтянулись, даже лошади рады, почуяв какие-то только им известные запахи. Все знают – впереди отдых и обильный корм.

Парма

4 октября, воскресенье.

Караван, сопровождаемый теперь и всадниками епископа Пармы, вошел через северные ворота города и остановился во дворе епископского дворца. Епископ вышел из ворот дворца приветствовать маркграфиню. Она весьма сдержанно выслушала его льстивую речь – действительно, мог бы встретить и за пределами городских стен. Кратко ответила, что рада приветствовать духовного главу Пармы в его городе. И замолчала. Возможно, это произвело на молодого епископа Пиетро Кадала сильное впечатление. Он еще раз заявил, что весь он и всё, что имеется у него, – в распоряжении почетной гостьи.

Пиетро Кадал (или Пьетро Кадалус), родившийся в 1010 году в Вероне, происходил из аристократической семьи. Будучи младшим сыном, избрал духовную карьеру. Молодой, энергичный и харизматичный, он ставил перед собой самые высокие цели. Понимая, что его возраст пока не позволяет заявлять претензии на самый высокий пост в церковной иерархии, он все силы и финансы епархии направил на грандиозный проект в Парме: как раз год назад начал строительство нового епископского дворца и мечтает построить новый кафедральный собор.

С 879 года руководство Пармой и контадо с правами графа принадлежит епископам благодаря пожалованию Баварского и Итальянского короля Карломана³⁰. Да, епископ обладает в городе и ближайшей части контадо большими права-

ми, но избрание епископа контролируется императором или, в соответствии с договором императора с Бонифацием, маркграфом. Тем более, мечтать о тиаре можно только при покровительстве маркграфа. И в действительности так и получится: заняв через пятнадцать лет без одобрения маркграфом Тосканы папский престол, он потеряет его буквально через год. Еще в течение одиннадцати лет, до самой смерти, сидя на епископском престоле в Парме, будет считать себя Папой – но никого это не станет интересовать.

Епископ отдал лучшие помещения своего дворца Беатрисе: не в старой запущенной башне, а в почти новом примкнувшем к ней доме. Размещены и ее рыцари, и дамы. Солдаты разбили лагерь за стенами города, сопровождавшие маркграфиню мантуанцы разместились у горожан. У каждого имеются родственники или деловые партнеры.

Весь следующий день епископ посвятил своей гостье: показал с гордостью стройку своего нового дворца, как раз напротив кафедрального собора. Провел ее и баронессу Софию по помещениям собора, рассказал его более чем пятивековую историю. Да, уже почти шестьсот лет назад – по крайней мере, так говорят хранящиеся в соборе записи – на этом месте стояла христианская базилика. Два века назад она сгорела, и на ее месте благочестивый епископ Видибольд³¹ вместе с горожанами построил вот этот собор, посвященный Вознесению Пресвятой Богородицы. Показаны были и великолепные фрески, созданные мастерами из Константинополя. Беатриса задержалась здесь надолго, стоя на коленях перед Богородицей, выпрашивая для детей здоровья и долгой жизни.

Искренне изумленный благочестием Беатрисы, епископ провел обеих дам и по подземным помещениям, в которых в свете факелов удалось рассмотреть раннехристианские мозаики первоначальной базилики. Именно здесь сохранились самые ранние документы Пармы – гордость библиотеки собора.

Иллюстрации к I тому

Глава I

Бонифаций III

Беатрис де Бар

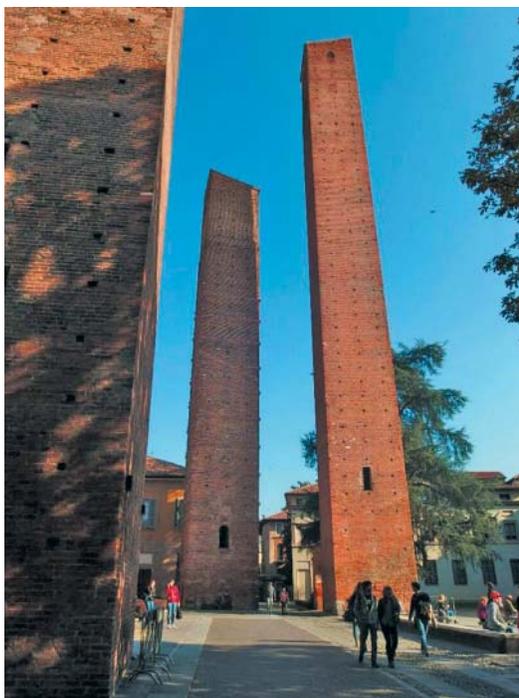
Манускрипты
из Vita Mathildis,
XII век

Глава II

Бианелло. Вид с долины

Ілюстрацыі к І тому

Башні Павіі.
Пример несурзности

Остаткі рымскага моста в Павіі

Содержание

<i>Введение</i>	3
<i>Глава I.</i> Пополнение в семействе. 1046	9
<i>Глава II.</i> Итальянский поход. 1046	52
<i>Глава III.</i> Флорентинские хлопоты. 1047–1048	98
<i>Глава IV.</i> Гибель. 1048–1052	140
<i>Глава V.</i> Маркграф Фридрих. 1052–1053	170
<i>Глава VI.</i> Замужество Беатрисы. 1053–1054	220
<i>Глава VII.</i> К победе через поражение. 1054–1056	270
<i>Глава VIII.</i> Коронация. 1057	321
<i>Примечания.</i> Персоны, упомянутые в I томе	371
<i>Приложение.</i> Иллюстрации к I тому	391